

ОСТАВЛЕННАЯ, НО

Татьяна Кравченко

История любви Константина Симонова и Валентины Серовой — одна из самых популярных легенд советского времени. Интерес к ней, возникший более чем полвека назад, в 1941-м, когда появилось стихотворение «Жди меня», не угасает до сих пор.

Актриса и поэт

Они познакомились в 1939-м. Она — актриса, прима Театра имени Ленинского комсомола, известная всей стране по роли Кати Ивановой в фильме «Девушка с характером», вдова героя-летчика Анатолия Серова. В двадцать с небольшим она уже пережила и громкую славу, и громадное горе. Он — поэт, его карьера на взлете, ему тоже двадцать с небольшим, но он уже орденосицец и уже побывал на войне в Монголии. У него есть жена — Евгения Ласкина — и маленький сын, ровесник сына Валентины, родившегося уже после гибели Серова.

Но он влюблен — и начинает ухаживать за ней, невзирая на обстоятельства и препятствия. А она молода, и хочет жить, и успех кружит голову. Он уходит от жены — а она ничего не обещает. Он целует, она подставляет щеку. Или не подставляет — в зависимости от настроения. А потом — война, цикл стихов «С тобой и без тебя»... На фоне преобладавших тогда в советской лирике романтически-патриотических настроений эти стихи казались откровенно, непозволительно эротичными (известна шутка Сталина: «Эту книгу следовало выпустить в двух экземплярах — для него и для нее»).

А у нее стремительный роман с генералом Рокоссовским, расставание, боль... И снова Симонов. Они поженились летом 1943 года. Если судить по сохранившимся письмам Симонова к Серовой, время с 1944-го до 1946-го, пожалуй, самое счастливое время их любви. Время, когда муки страсти и ревности, казалось, остались в прошлом, и отношения осветили взаимное доверие, и уважение, и нежность.

Крушение любви

После войны он — уже литературный генерал, государственный человек, лицо официальное. А она... Она по-прежнему одна из самых популярных советских актрис, но зенит карьеры уже пройден. И она совершенно не приспособлена для роли жены государственного человека. Внутренний разлад приводит к болезни — она начинает пить. Рождение дочери брак не спасает, и в середине 50-х он уходит к другой. И дальше до самой смерти у него — крепкая семья, прочное общественное положение (несмотря на некоторую опалу, в которую он попал после смерти Сталина), он знаменит и состоятелен. Она же — одна, наедине со своей болезнью, актриса без ролей, уже похороненная молвой. Он — на плаву, она — на дне. Но в крушении этой любви нет виноватых — виновата природа или судьба, сделавшая их столь непохожими и все-таки бросившая друг к другу. Слишком разными они были: умный, интеллектуальный, расчетливый Симонов и Серова, натура щедрая, широкая, бесшабашная, ничего не считающая и не слишком-то задумывающаяся о последствиях своих поступков.

Литературный факт

Частная жизнь человека, даже известного и популярного, в общем-то, принадлежит только ему, и общественности не должно быть до нее дела. Но в случае с Валентиной Серовой и Константином Симоновым частная жизнь стала не только фактом биографии — она благодаря Симонову стала фактом литературы. Сейчас принято считать, что от писателя Константина Симонова в литературе останется

только книга «С тобой и без тебя», а все остальное, им созданное, принадлежит уже ушедшему времени и интересно только как иллюстрация к картине нравов в советскую эпоху. Хотя и тут правды не сказал, Сталина так и не разоблачил и вообще писатель был средний. И при этом как-то совершенно упускают из виду, что Симонов писал не только о войне, но и о любви, о человеческих отношениях, которые складываются или не складываются по причинам, отнюдь от внешних обстоятельств не зависящим.

В 1970-е Симонов пишет прозу. И в его прозе многие женские образы и коллизии сюжета тесно связаны с его собственной личной жизнью. И за всем этим так или иначе стоит Валентина Серова. Симонов в своих книгах постоянно выясняет отношения со своим прошлым, и Серова в этом объяснении — его постоянная внутренняя собеседница. Он может ненавидеть ее, может придумывать женщину-идеал, которой она так и не стала, может доказывать ее вину, уничтожать ее или возводить на пьедестал — может все, только не может вдруг стать к ней равнодушным, не может ее забыть. Лариса Алексеевна Жадова, следующая жена Симонова, была хорошей женщиной, и, возможно, Константин Михайлович действительно был очень счастлив и спокоен в своей семейной жизни. Но ревновать к Валентине Серовой Лариса Алексеевна имела все основания...

Сострадание или обида

В повести «Двадцать дней без войны», опубликованной в начале 70-х в журнале «Знамя» и потом вошедшей в роман «Так называемая личная

Обаяние Серовой покоряло миллионы

жизнь», достоверно, почти детально воссозданы быт и атмосфера военной зимы 1942 года. И холодная киностудия в далеком среднеазиатском городе, и ненормированная работа, закипающая, лишь когда дадут свет, — все узнаваемо. Узнаваем и режиссер, одержимый фильмом, и автор сценария — фронтовой корреспондент Лопатин, заскочивший в тыловой город по пути с фронта на фронт: это сам Симонов. Только вот с героиней возникает путаница. Валентину Серову и читатели повести, и зрители фильма, снятого потом по этой повести, отождествляли с Ксенией, бывшей женой Лопатина, бросившей его как раз тогда, когда Лопатин был на фронте. И множество деталей, даже самых мелких, казалось, указывали на Серову. Например, Лопатин раздражает в жене «не то кошачье, не то собачье имя» Сюня — Симонов называл Валентину Васькой. «Лопатин с усмешкой вспомнил о своих напрасных стараниях научить ее сначала думать, а потом говорить» — тоже вроде бы намек на Валентину искренность, неумение сдерживаться, выкладывать все без обиняков, даже когда лучше тактично промолчать. Но вот другая героиня «Двадцати дней без войны» — Ника. Идеальная женщина, та самая, единственная и на всю жизнь, отчаянно необходимая Лопатину его «вторая половина». У нее были «чуть-чуть широкие для женщины плечи, задорно посаженная голова с короткой мужской стрижкой и скуластое, словно заранее чему-то смеющееся

лицо». Короткая мужская стрижка — словно маска в маскарадном костюме, все остальное — точный портрет Серовой. Походка, широкие плечи, смеющееся лицо — это же она, Валентина Серова, на фотографиях тех лет. И та же искренность, те прямота и неумение по-женски лгать, которые в реальной Валентине подчас заставляли Симонова страдать, — все это и составляет основу характера Ники. Слово бы живую Валентину, какой она была зимой 1943 года, он разделил надвое и «скройл» из нее двух женщин, разведя их по полюсам.

Вряд ли Валентина Серова так уж походила на глупую и черствую Ксению. Но, наверное, слишком сильны были любовь и боль, настолько сильны, что даже через годы обида перевесила сострадание.

Обвинение и оправдание

До поры до времени кажется, что в крушении любви герои Симонова виноват именно женщину, — как и сам писатель, вероятно, винил свою любимую. Будь она (придуманная писателем Ксения или реальная Валентина Серова) другой — умной, чуткой, понимающей, надежной, — все сложилось бы, все было бы хорошо. Если мужчины у Константина Симонова берут на себя ответственность при решении судьбы мира и государства, то ответственность за личную жизнь лежит в основном на женщине. Отсутствие внутренней силы

В 1946 году вдвоем они еще были счастливы...

28.08.03

НЕЗАБВЕННАЯ

— вот основная претензия автора к своим героиням, к Ксении ли, к Наде ли из эпопеи «Живые и мертвые» (кстати, сам Симонов признался дочери Маше, что прототипом Нади стала Валентина Серова). Это то, чего Константин Симонов не прощает...

Вернее, до поры до времени не прощал. Повесть «Случай с Польшиним» написана примерно тогда же, когда писались «Двадцать дней без войны», и, пожалуй, она больше заслуживает названия «Так называемая личная жизнь». Это действительно несложная история из личной жизни: о том, как не поженились двое любящих друг друга людей. Польшинский «случай» — актриса Галина Петровна, казалось бы, слабая, непутевая, «без стержня», сама не знающая, чего хочет, — совсем вроде Ксении. Конечно, она не пара прямому, честному и бесстрашному летчику.

Прототипом Галины Петровны опять стала Валентина Серова, хотя, повторю, ко времени написания «Случая с Польшиним» Серова и Симонов давно разошлись и писатель давно был женат на Ларисе Жадовой. Но, как видно, его личный счет к когда-то любимой женщине был все еще не закрыт... Присутствие Серовой в этой его повести доказать легко — достаточно сравнить текст со стихами из цикла «С тобой и без тебя», и параллели станут очевидны. Очень важный момент в повести — фотография, странная, полудетская любительская карточка Галины Петровны с

вестную всей стране актрису: черноволосяя, «цыганочка», — но в фильме по этой повести (а одним из авторов сценария был Симонов) Галину Петровну играет Анастасия Вертинская, такая же светловолосая и светлая, какой зрители помнят Валентину Серову. Кстати, в картине есть эпизод, которого нет в повести: Галина Петровна в первый раз видит Польшинина через дырочку в занавесе — так же, как Серова когда-то увидела Симонова. В первый раз в прозе (не в пьесе) у Симонова героиня, как и Валентина Серова, — актриса. Вообще-то, судя по симоновской прозе, складывается впечатление, что для писателя с театром связано все лживое и фальшивое, там все ненастоящее, поддельное — и костюмы, и декорации, и чувства (а для Серовой мир театра — единственно возможный, это ее жизнь)... И в конце концов именно театральный мир — вернее, никчемная связь неудачливой актрисы Галины Петровны с бездарным режиссером Витенькой, обычная закулисная интрижка, — губит любовь Польшинина.

Галина Петровна слишком слаба, слабовольна, чтобы жить самостоятельно, чтобы противостоять пусть даже мнимым ударам судьбы. Она не умеет быть одна — в этом отсутствие внутренней силы. Но Симонов судит уже по-другому: «Ну да, та, другая жизнь, которая там, на севере, казалась, мелькнула перед нею, не вышла и не выйдет. Но если та жизнь не вышла и не выйдет, почему же все-таки вместо нее непременно должна быть эта жизнь? Неужели нельзя хотя бы какое-то время быть просто одной? Самой по себе? (...) Так думала она сейчас, идя утром домой. Но что она будет думать там, у себя дома, не утром, а вечером, в четырех стенах, одна, без матери и отца, без детей и мужа, без обязательств перед кем бы то ни было хранить себя для чего-то или для кого-то, а просто с ночной тоскою одинокой и, в общем, мало кому нужной женщины, в одинокой, пустой и холодной комнате?» Это не приговор, не обвинение, это — понимание.

В сущности, Ксения и Галина — это один и тот же тип, но как по-разному осмысляет его автор: от презрения, вызванного личной обидой, до понимания, и почти оправдания, и почти жалости, и даже — любви... Здесь, в этой повести — в отличие от предыдущих, — автор не ищет правых и виноватых, хороших и плохих. И героиня не виновата, просто они, — Галина Петровна и Польшинин, — разные. Слишком разные, чтобы быть вместе и быть счастливыми. Такие же разные, как Константин Симонов и Валентина Серова.

Героев повести, в сущности, развел случай — обман, вызванный стечением обстоятельств. А ведь буквально за минуту до того, как уйти из дома и из жизни Галины Петровны, Польшинин вдруг понял, как она ему близка и понятна... Так что есть вероятность, что Польшинин, бесповоротно уйдя от Галины Петровны, все-таки совершил одну из самых больших ошибок в своей жизни. Пусть маленькая вероятность, но — есть, и Польшинин, может быть, упустил свой шанс на счастье...

Валентина Серова в отличие от своего книжного воплощения Симонову никогда не лгала и ничего не скрывала. Да и сам Константин Симонов отнюдь не столь прост и прямолинеен, как его герой Николай Польшинин.

Воздух Победы кружил голову, и будущее казалось безоблачным. Валентина с сыном Толей и Константин

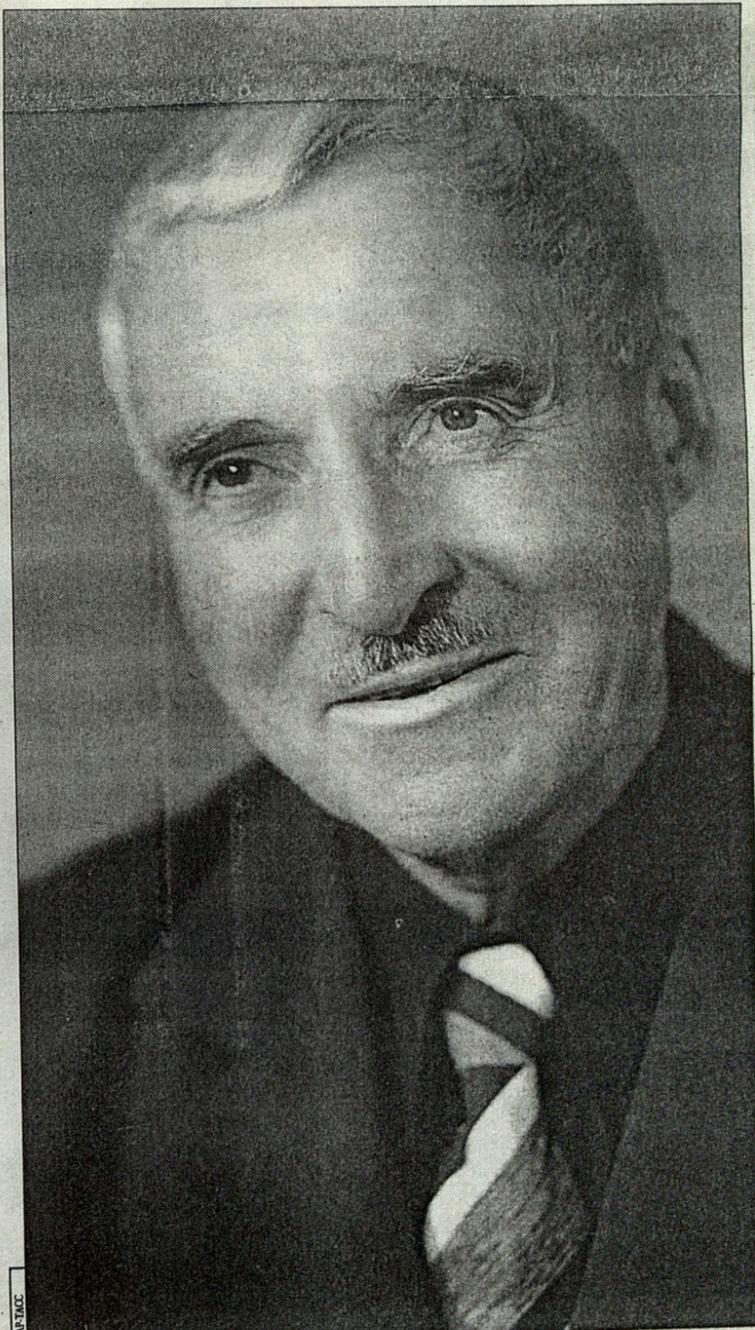
Случайного обмана не случилось, поэтому печальный вывод «нет, ничего у них не получится», в повести тут же сделанный соседкой Галины Петровны по коммуналке, в реальности последовал отнюдь не сразу, а после многих, и многих, и многих попыток все-таки наладить жизнь вдвоем...

Пустой дом

А потом... Валентина Серова в пятидесятые годы, постаревшая и почти потерявшая былую красоту, играла в пьесе Константина Симонова «Так и будет». Играла уже не юную героиню Олю, любящую и любимую, а сорокалетнюю женщину, многое в жизни повидавшую, — военврача Анну Греч. «Ну, у вас одиночество, девочка моя, — утешает Греч запечалившуюся Олю, — это, как бы вам сказать... Вы подходите одна к театру, сейчас откроете двери и войдете туда — вот ваше одиночество. Оно только до порога. А мое одиночество — другое, я уже была там, вышла и иду домой одна. Это совсем разные одиночества...»

Право же, Симонов словно напроорочил... Безысходное одиночество пустого дома — это то, что слишком хорошо знала Валентина Серова в последней части жизни. Как же она произносила это признание со сцены — слова, написанные любившим ее человеком давным-давно, тогда, когда ни он, ни сама актриса и предположить не могли, что это признание будет иметь отношение к ней. Серова играла Греч неподражательно. И это была, по сути дела, ее последняя удачная роль.

Валентина Серова пережила свою славу и умирала всеми забытой. Константин Симонов до конца дней был знаменитым, заслуженным, признанным писателем. Но то, за что его славили при жизни, давно интересует только литературоведов и историков. А самым лучшим, что сделал Симонов в литературе, он все-таки обязан Валентине Серовой. Оставленной им, но так и не разлюбленной, так и не забытой.

До последних своих дней Симонов не мог забыть Валентину, свою Ваську

**Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но кто б нас ни судил,
Я сам пожизненно
К тебе
Себя приговорил.**

К. Симонов (ночь 1941-го)

обтрепанными краями. Получив неожиданно в подарок эту карточку, Польшинин поверил в любовь к нему красивой заезжей актрисы и тогда же решил на ней жениться... А фотографию Валентины Серовой, подаренную ему в первые дни войны, Константин Симонов пронес с собой по всем фронтам. На этой фотографии Валентина — юная, нежная, в белом платье, и надпись на обороте: «Дорогому и любимому...»

И пусть внешне героиня «Случая с Польшиним» совсем не похожа на из-